

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 37

1985

Антонина БАЕВА

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

МУЖСКАЯ РАБОТА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 37

Антонина БАЕВА

МУЖСКАЯ РАБОТА

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1985

Антонина БАЕВА

Антонина Антоновна Баева родилась в 1928 году в Зауралье, в селе Больше-Приютное, на Курганщине. Получила высшее педагогическое образование, десять лет учительствовала в родных местах.

Печатается с 1958 года, выпустила двадцать поэтических книг, среди них «Таволга цветет», «Песня иволги», «Ветер с Тобола», «Праздник жизни», «Голосники России». За последнее десятилетие опубликовала ряд поэм, в том числе «Твой вечный бой», посвященную Николаю Островскому, «Дочерний свет», «Поволжане», «Ермаков поклон».

Антонина Баева — член КПСС, член Союза писателей СССР, лауреат премии Ленинского комсомола.

РОЖДЕНИЕ БЕРЕЗЫ

Ты видел, как рождаются березы?
Совсем, как травы.
Стебель да листок...
Средь бела дня
или на зорьке розовой,
чуть полыхнет очнувшийся восток, —
посмотришь — приподнялся из пеленок
и, как былинка малая, стоит
березы русской
махонький ребенок
и вовсе не березовый на вид.
Не всякий и заметит эту кроху
в два-три едва раскрывшихся листка.
Ей сызмала не раз придется плохо:
то непогода,
то земля жестка,
то солнце заслонить стремятся травы...
О, сколько ей придется испытать
и вынести,
чтоб стройной да кудрявой,
да белою березонькою стать!

ГОЛОСНИКИ

1

Брожу по лесу,
по лесной тиши,
где звуки затихают меж деревьев,
где голоса особенно чисты,
и вспоминаю:
на Руси издревле

3

строители вмуровывали в храмах
сосуды полые,
назвав голосниками.
Не чудо ли?
Простой кувшин из глины,
а как-то может голос поднимать,
усиливать звучанье и окраску,
давать ему, как птице, высоту...
О, Родина, о край ты мой родимый!
Не уходи из сердца моего
с полянами твоими,
с разнотравьем,
с колками и степями,
с ветром синим,
с лесами заповедными,
с Тоболом...
И пусть они всегда голосниками
живут в душе моей,
и слово поднимают,
и помогают высоту набрать.

2

Когда я, немому осия,
себе сказала: «Не бойсь!» —
голосники твои, Россия,
тотчас во мне отозвались
и подтвердили:
в чистом поле
да по лесам был детский «рай».
О том, забыв про боли-хвори,
как сможешь, песню заиграй.
И ты услышишь, как усилит
земля родимая ее...
Голосники твои, Россия,
так слово подняли мое
и понесли не к дальней сини,—
от сердца к сердцу в тукоток...
Голосники твои, Россия,
так мой расширили исток
и окрылили русской речью,
пригодной для родных людей.
Бери ее и, как из речки,
хоть черпачком,
хоть горстью пей,

припоминая дни босые
и песни, что певала мать...
...Голосники твои, Россия,
умеют душу поднимать!

МУЖСКАЯ РАБОТА

Признаюсь,
мужская работа
всегда привлекала меня.
Манила крылом самолета,
с коня окликала:
— Родня!
Давала рюкзак торопливо,
друзей отнимала, любя...
А я называла счастливой
и даже везучей себя.
Но вот как-то я оглянулась:
о сколько несказанных слов!
Мужская работа сутуло
привдвинула письменный стол...
И выпало — быть поэтессой.
Но с самого первого дня
крутого, мужского замеса
строка привлекала меня,
чтоб я и сама сочинила
такого накала стихи,
что станут для слабого — силой
и сильному будут с руки,
читались чтоб, пелись с охотой
в домах, как в лесном шалаше...
И эта мужская работа
пришлась мне самой по душе.
А все ли
и так ли сказала,
общаясь с людьми невяпотаи,
работа мужского накала,
меня ты еще попытай!

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Я с тобой разлучилась едва,
впрямь от сердца тебя отрывая.
Поросли сорняками слова.

А других без тебя не бывает.
Сколько я ни хитри, ни зови
музу с дудочкой легкой, Цирцею,—
без тоски о тебе,
без любви,—
ничегошеньки я не умею.
Будь всегда!
Озаряй и томи!
Новым словом обрадуй скорее!
Покаянно стою пред людьми.
Что скажу о других?
Как посмею?

* * *

Я брела по войне
в тыловых зауральских деревнях.
Я ревела ревя, обезножив, как лошадь в страду.
Мой любимый состарился в чьих-то незнакомых деверьях.
Я в матрацную прель, как в солдатский окоп, упаду.
И пойдут чертоломить осенние темные ночи,
и начнут голубеть без меня молодые деньки,
и чужая кукушка мне долгую жизнь напророчит;
и в тревоге забьются у тихой воды окуньки,
будто что-то кумекает даже рыбешка речная...
И жаждутся леса,
и пожухнут до срока цветы...
Но воздаст за потери мне вскоре
зверушка ручная,
та, что в образе Музы нисходит теперь с высоты
и диктует строку то — зерном,
то — травинкой иль — словом...
Я ее различаю по тайным и легким следам,
как в глубоких снегах
различают в тайге звероловы,
где сгорела
и где только прянула робко звезда.
Ей еще пролетать над моею тоской, если схочет,
чтоб гнездовье свое на ладонях моих сотворить...
Я брела по войне.
Я измаяна жизнью сверх мочи...
Но зато я пытаюсь
с Землей и Звездой говорить.

СОЛДАТКА

Он на войне остался у нее.
Ей кажется:
он все еще воюет.
Она о нем, как о живом, горюет
и слезы, как о долгожданном, льет.
Придет зима — ей думно:
— Холодно ему, бедняге,
мать-земля сырая,
теплой скотине в глубине сарая,
чем в том окопе — в небушко окно...
Польют дожди:
— Ах, тошно! Ломота
все кости искрутила в непогоду,
и все сильнее ломит год от году...
Одно спасенье:
печка-лепота!
Он сам сложил,
украсил изразцом,
вон вьюшечка и та — смотри! — с узором...
Ох, работал красиво он и споро!
Удал, пригож,
хорошим был отцом...
Она повспоминает, погорюет,
какое было ладное житье...
Ей кажется:
он все еще воюет.
Он — на войне остался у нее.

* * *

А. А. Леонову

У раннего Космоса есть предыстория:
не самолеты, а — птицы, птенцы...
Только освоится с первой скоростью,
а высотой — не сыт.
— Он желторотый еще, не отважится,—
думают мать и отец.
Глядь,— уже точкой незримою кажется
в небо ушедший птенец.
Сердце не вынесет ненаторелое —
камушком с неба, случайной слезой...

Раннего Космоса боль застарелая,
выси свои приоткрой!
Пусть, обживая твои заземелия,
ширится тяга летать.
Век реактивный
и печку Емелину
взял в межпланетную статью.
Раннему Космосу шлю подарение:
слово по слову творю.
В закоемое стихотворение
пусть приплюсует зарю.
Краски ее для листа одинаковы,
как для холста и для ног...
Раннего Космоса росписью лаковой
дальше дорожка идет.

* * *

В краю березовом родиться...
Не это ль щедрый дар судьбы,
чтоб с малых лет не заблудиться
среди плетней и городьбы,
найти вьюнок,
понюхать мяту,
мучнистый колос растереть,
руками, взглядом,
кожей пяток
обследуя земную твердь;
по локоть руки погружая
в прохладу пахоты весной,
отцу и деду подражая,
на поле рбить
в дождь и в зной.
Потом смотреть
в поля без края
с опушки ближнего леска,
взрослевшим сердцем постигая,
как вся Земля
тебе близка.

* * *

Все весны в детстве
просто начинались:
пекла из теста жаворонков бабка.

Проснешься утром,—
а из теплой печки, как из гнезда,
выпархивают птахи —
румяные предвестники весны.
Ты радуешься:
скоро можно будет,
обувку сбросив,
бегать босиком.
И на гумне, за выпасом, подолгу
искать глазами в синем небе точку
и слушать, слушать жаворонка песню,—
пронзительную, тонкую струну...
Все весны в детстве
просто начинались...
И не могла я позабыть все это.
Теперь не те ли жаворонки детства
во мне поют
на тысячи ладов?

Я СПРОШУ У БЕРЕЗЫ...

Я спрошу у березы весенней о счастье,
и она, откровенная, скажет:
— Это счастье быть вешней березой
с побелевшей на солнце берестой,
с ароматной зеленой листвою,
с розоватым и сладостным соком...

Я спрошу у березы осенней,
и она мне расскажет о счастье,
что гнездилось в ветвях ее гибких
и все лето звенело и пело,
и листвою золотистой играло...

И у зимней березы спрошу я,
может, ветры ее утомили,
может, бури ее изнурили?
— Нет, я счастлива,— скажет береза,—
столько радости я повидала,
что зима не страшна мне,
и знаю:
впереди много солнечных весен.

ЗЕМЛЯ

Чтоб стать
добротной и жилой,
себя творила тяжело
и долго, и пристрастно,
и потому — прекрасна!

ТЫ ПРОСТИ, ЗЕМЛЯ...

Ты прости, Земля, что непобедно
я полвека на тебе живу.
И почти довольна:
худо-бедно,
не во сне живу, а — наяву.
День приходит, —
до свету очнешься,
думаешь, заботаешься,
спешишь...
К вечеру, умаявшись, качнешься
и не знаешь, спишь или не спишь...
Снова поднимаешься и стонешь,
и поешь, и солнышко в горсти,
будто проворкует мама:
— Тоня!
Поднимайся, девочка, расти!
И растешь, растешь...
И в гору, в гору,
даже не заметив перевал...
Худо-бедно, жизнь как будто впору.
Ты прости, Земля, что наповал
упаду в тебя,
тобой укроюсь
и с тобою, вечною, сольюсь...
Ты прости, Земля, что я порою
все-таки испытываю грусть.

СЕВЕРНАЯ БЕРЕЗА

Не так и стройна, белотела,
как надо березоньке быть...

А в непогодь
и оголтелой

метели

ее не сгубить:

душа ее крепче металла.
И, даже взойдя на костер,
так долго горит!
А казалась
слабее и ниже сестер.

ВЫПЬ

Выпь закричала
протяжно и тонко.
Ищет, наверно, в тревоге
выпенка...
Ищет, волнуется,
спать не дает.
Да и уснешь ли?
А вдруг не найдет...
Сяду я в лодку
и — в воду корму.
Маку озерного
в фартук нарву.
— Выпь, выпинятка,
цып-цыпинятка,
выплынь ко мне
по синей волне.
Буду тебя угощать,
может, угнездишься спать.
Я в тишине посижу,
маме твоей расскажу,
как я ребенком была,
гадким утенком слыла...
Жизнь моя вроде кончается,
а лебедя не получается.
Выпь-выпинятка,
цып-цыпинятка,
выплынь ко мне
по синей волне.

* * *

— Не повезет, — мудрец сказал, —
среди избранных не будешь.
Пусть светлый лоб твой не прижжет
избранности тавро,
пусть не воздвигнут пьедестал
тебе с пристрастьем люди,
а ты не тщишь.
Наоборот,
твори свое добро.
Не так-то худо быть собой,
в свою играя дудку,
свою краюху разделив с голодным пополам
и от метели защитив ладонью незабудку,
отбросить ложную строку
с презреньем, будто хлам.
...Не повезет, так и не жди.
И пусть другие тщатся.
А ты живи, «как бог велел»:
ты сам господь себе,
с печатью просто чудака
иль даже — святотатца,
не изменив
ни ремеслу,
ни собственной судьбе.

СУДЬБЕ

Я смеялась и плакала,
пела песни тягучие...
В жизни видела всякое.
Только верила
в лучшее.
И не очень умелая, —
приняла тебя разную...
И сама тебя сделала
по-земному прекрасною.

ТРАНЖИРА

Ах, какая я транжира
неуемная!
Растранжирила транжира
ночку темную:
поленилась записать
песню новую в тетрадь.
И слова теперь летают
вмилолет,
вмилолет...
И никто о них не знает,
не споет,
не споет...

* * *

Допишется книга последняя,
и вдруг не успеешь сказать,
что ты, наконец-то,
как следует,
как въяве,
увидела мать,
и русскую печь,
и поленья,
береста на коих бела...
И мама
к себе на колени
тебя,
как ребенка,
брала.
И ты все в окошко
смотрела,
а там
и чиста, и крупна
звезда,
как на елке, висела,
как раз посредине окна!
Но ты ни о чем не просила
ни эту звезду
и ни мать.
Лишь силилась,
сон пересилив,
еще ей хоть слово сказать.

* * *

Вот помню,
жили мы в худой избе.
Я думала: зима на целом свете...
У нас в просторной дымовой трубе
ночами грелись воробьи.
Как дети,
кричат, бывало,
ссорятся,
потом
угреются, и стихнут,
и задремлют.
Поди, зима казалась им котом,
сожравшим солнце теплое и землю.
А мама
перед тем, как печь топить,
их помелом соломенным шугала.
И с криком:
«Жи-вы! Жи-вы! Будем жить!» —
к дневному бденью стайка вылетала.
Живучи воробьишки, и в окно
я видела, как в миске иль в лукошке
их мать всегда, с курами заодно,
кормила то зерном,
а то — картошкой.

* * *

И хлебы мама так умела печь,
что спозаранку к нам, бывало, тетки
сойдутся,
натрещатся, как трещотки,
и обязательно заглянут в печь.
Казалась наша печка им особой:
заслонка крепче,
вьюшка тяжелей;
в загнетке жар хранился от углей
совсем другой,
наверно, высшей пробы.
И потому родились пироги,
олады, сдоба,

шаньги и буханки
отменные
у этой шустрой Анки,
и калачи подовые строги,
присыпанные пудрою мучною
да с угольком, с морщинкой
на боку.
Не стыд подать к обеду мужику.
И баб горластых
зависть беспокоит,
и судят, рядят
походя и по́ступя,
и сплетнями покоя не дают.
А мама ходит
самой тихой поступью,
и только руки ловкие снуют.

* * *

Корову доим.
Доит, ясно, мама.
А я сижу, дымарик развожу
и «почемучки» детские упрямо,
воспользовавшись часом, завожу.
Из-под коровы не уйдешь до срока,
не выдоив, не встанешь:
— Отвяжись!
Я со своим пристану, как сорока,
Пеструха догадается да хлысь
хвостом с репьями:
не мешай, мол, слышишь,
даю тебе, вострушке, молоко.
Дымарь из кизячины еле дышит,
от комаров отбиться нелегко.
Но все привычны:
мама, и корова,
и я кормлю летучих не впервой...
К воспоминаньям этим детским снова
седою припадаю головой.

* * *

Чесать Пеструху раннею весной,
с боков ее снимая шерсти клочья,
любила я, бывало.

Мама хочет
скорей почистить
и уйти домой
из денника,
к другим своим работам.
А я с клочками шерсти — за ворота,
чтоб ладить в луже
мячик шерстяной.
...Краснеют руки, свичные уже
с водой холодной и посильным делом.
Катаю и трамбуя мяч умело,
потом сушу на солнечной меже
и наблюдаю,
как близ грядок всходят
растений сорных смелые ростки.
Еще работать рано в огороде:
комки земли нежившей жестки.
Гоняю мяч, подсохший на пригорке.
Вон сколько дней безвестных впереди!
А мама, приоткрыв резные створки,
аукнет:
— Тоня! Полдничать иди!

* * *

Я без мамы жила
для людей неродной
да неладной.
Я ушла из села.
Мне и в городе было
накладно.
Но в сиротстве и горе
не схотела я слыть
нелюдимою.
И, с недолей заспорив,
непосильный свой крест полюбила,
и построила остров,
сад на нем во всю ширь насадила,
добиваясь непросто
зацветания слова
иль дива...
И разросся мой сад,
островок превращая в планету.
Уцелев «на авось»,
пригодилась я белому свету.

* * *

Я в этом письмишке тебе посылаю
добротный ломоть своего каравая.
Он теплый еще.
Я его замесила
на добрых дрожжах.
В них — пшеничная сила.
А мучки ржаной я в дежу подсыпала.
Растопки заранее я нащепала,
чело подбелила и под подмела,
чтоб печка добрее к стряпухе была.
И вот он румяный, душистый и сытный,
ржаной и пшеничный, крупчатный и ситный..
Отрежу ломоть и отправлю тебе,
а все остальное — в подарок судьбе.
За то, что была нелегка, ненарядна,
за то, что тебя вовсе не было рядом;
за то, что я выдумать счастье сумела...
А было иль — не было,
это — полдела.

* * *

Деды наши лежат под крестами,
а отцы все под звезды легли.
Все затем,
чтоб, как время настанет,—
мы и в небе обжиться смогли.
Даль планеты своей расширяя,—
не сиротствовать чтоб ей окрест,—
не забыли б, как смолы роняет
в землю теплую
дедовский крест.
А иная звезда жестяная
не тусклей
той, что в небе, горит.
И земля, будто мать родная,
сокровенно с тобой говорит.

ПЕСНЯ ИВОЛГИ

ВСФ

Как светло ты, о иволга, песню поешь!
Как твой голос, зазывный,
отрадно хорош!
А для крика пронзительной боли своей,—
где ты, иволга,
столько страданий берешь?

У каких родников,
с перелесков каких
ты взяла столько радости в солнечный стих?
И какая кручина терзает тебя?
Что мне сделать,
чтоб крик твой тревожный затих?

Как контрастно звучит он в лесной тишине!
Как он в сердце проник с малолетства ко мне!
Знать не можешь и ты,— только светлое петь...
И такая мне песня дороже вдвойне.

* * *

Завтрашнюю яблоню люблю.
Завтрашнее утро ожидаю.
Всю себя на завтрашнем ловлю,
к новому готовясь урожаю
слов,
еще не сказанных в строке,
звуков,
не возникнувших в согласье...
Завтрашнее солнышко в руке
чувствую, как
завтрашнее счастье.

* * *

Я — одержимая.
Ты не держи меня.
Ты отпусти меня.
Тропы манят.

Горы зовут.
Тошен уют.
Тяжек покой...
Стать бы рекой
или — дорогой.
Сразу с порога
в росную стыть
ноги мочить,
в солнечный зной —
вниз головой...
Я — одержимая.
Ты не держи меня.

КРЕМЕНЬ

Е. Исаеву

О первородной крепости толкуя,
кремень припоминаем неспроста.
Вдруг он, невозвеличенный, тоскует
с времен, еще далеких до Христа,
когда его лукаво потеснили
железо, золотишко и алмаз...
Но он и до сих пор остался в силе
и в эталонах крепости для нас.
Зря ль дальний предок
вытесал топорик,
скребок с ножом,
кремневку-ружьецо?
В желании природу переспорить
предстал пред ней с отчаянным лицом...
И тот белок,
что был первородящим, —
наука уверяет: сквозь кремень
прошел по очень сложной восходящей,
чтоб человеком встретить этот день.

* * *

Покинутое небо ноября,
оставленное птицами спешащими...
То на зиму, а то и навсегда
уводит их тоска,

на юг манящая
и к сытному, и к теплему углу,
и к дальним странам за морями синими...
А небо ноября не может мглу
само прогнать порывами несильными.
Вот летом птички крылья к облакам
взмывали,
и, наверное, от песен их
всегда была пленительно-легка
та синева, что нынче мглой завесилась.
Покинутое небо ноября
лишь силится припомнить, как надеялось,
что птички стаи только пошумят,
но вот разлука долгая содеялась.
И надо ждать.
Другого не дано.
Надеждой ожидания свои скрашивай.
И в первое весеннее окно
к тебе ворвется теплый ветер пашенный.
И ты увидишь, тешились не зря
твой волненья с зимнею тревогою:
Покинутое небо ноября,
ты снова станешь вешнею дорогою.

ФОТОГРАФИЯ РОДИТЕЛЕЙ ЕСЕНИНА

Сидят рядком.
Но так особо,
врозь,
так непохожи взглядом и обличем!
У матери степенность и величие.
Отец по виду — «оторви да брось»,
подхватистый работать и гулять,
присел на бочку, ноги — наготове...
И объектив тоску в глазах уловит:
«На пустяки потратились опять,
сама пристала:
— Снимемся давай,
Серее в память,
ведь просили, надо...»
И матерински-умудренным взглядом
прибавила построже:
«Не замай!»
Их разводили и сводили вновь
согласие с нуждою да и ссоры...

Но ведь была минута, от которой
в их мальчишке

затеплилась любовь.

Теперь судите,
все ль туга и драки
состарив лица, искривят бока?
...Лежат их руки,
жилисто-однаки,
Есенина качнувшие в века!

* * *

Хоть отлучали — не смогли.
Хоть обличали — не сумели:
в защиту рощи зашумели
и затрубили журавли.
Наверно, вызнали секрет,
что он к земле
любовью ранен...
России истинный поэт,
он в мир пришел
по гулкой рани.

* * *

Купил щенка у Иверских ворот
и имя дал ему свое — Сережа...
Он вырос на хозяина похожий:
беззлобный и доверчивый.
Но вот,
когда с чужими поиграть хотел, —
в ответ смертельный выстрел прогремел.

А что такого сделал этот пес?
Ну, жил,
ну был,
озорноватым рос...
За что же убивать, сживать со света?
Хоть в стенку лбом — никто не даст ответа.
А уж вины подавно не признает
и только скажет: «Всякое бывает»...

А я такого не хочу с другими!
Пусть твой щенок
возьмет собачье имя.

* * *

Т. П.

Прощаюсь с яблоней в саду,
с айвой прощаюсь.
На два-три шага отойду и возвращаюсь.
— Ну что ж, цветите без меня,
не огорчайтесь.
Придет зима — в ее огнях
корой крепчайте.
А корни с лета прячьте в землю.
Да вам известно...
Я уезжаю насовсем
в другое место,
где нет ни яблонь, ни травы...
Но и повсюду
тепло, каким дарили вы,
я не забуду.
И буду, буду вспоминать
пчелы круженье,
простого сада благодать...
И отраженьем
души своей
в ветвях, в листве
держаться стану.
Прощайте, милые!
Мне вслед
цветите рано!

ЯБЛОНЯ

Весной садовник яблоню обрезал.
Полкроны, почитай, пообкромсал.
Замазал плоть,
белевшую на срезах,
и высекать другие ветки стал.
Я не жалею яблоню.

ТОКОВИЦЕ

В соседстве ржавых камышей
и черных пажитей,
укромно,
оно, без мала год уже,
ждет своей радости скромной,
когда взыграют глухари,
самозабвенно забормочут...
Все беломошье от зари
и до зари
спешит помочь им
исполнить древний ритуал,
рекомый праздником природы.
...Окраек неба только ал,
но свет его — вполнебосвода.
Он озаряет и живит
все, что родила твердь земная
для убеганья и ловить...
И он уже, наверно, знает,
что пробивается сквозь наст,
припорошивший вдохновенье,
та сила древняя, что даст
всему земному пробужденье.

* * *

Распрямайся, судьба, как росток,
на свету до сих пор не бывавший.
Распрямай свой начальный исток
под листвою, над тобою опавшей,
по вине не придумаешь чьей...
Так случилось.
И так, может, надо,
чтоб над малой живинкой твоей
тяжкий ворох всего листопада
и томил, и давил под собой
без росы, без красы,
без светила...
Чтобы все,
что очнется тобой,—
на опаре земной подходило.

* * *

Вере

Мне ни мало ни много —
дайте только дорогу.
Только под ноги бросьте
траву-мураву,
чтобы взглядом потрогать
мотылька-недотрогу,
чтобы утречком росным
закричали во рву
лягушата и пахи,
узнавая меня
в необмятой рубахе
наступившего дня.

* * *

Заскучай обо мне,
заскучай!
Мимо окон пройди
невзначай.
Брось в открытую створку
ветку,
как из прошлого
вестку.

В ЗАОЗЕРЬЕ

Как все пело и звенело
в это лето в заозерье
и зазывно в лес манило
спелой ягодой своей!

Приходил ты синеглазый,
приходил ты темнобровый,
и я в лес не торопилась:
я смотрела на тебя.

Да еще твои побаски
и веселые погудки
тотчас я перенимала
и старалась подпевать...

Мне слова твои казались
слаще ягоды-малины
и березовых подлесков
зеленой и веселей.

Мне слова твои казались
легче ветра,
гуще лета
потому, что я в то лето
лишь тобой одним жила.

КАЛИНА-ЯГОДА

Не видно было осени,
морозы не морозили.
Калина покраснелая,
как я была, несмелая.
А я калинушку брала
с куста,
как с краюшка стола:
и робко, и стыдливо,
как истинное диво.
Оглажены, обласканы
и взглядом и рукой
сияющими красками
текли в ведро рекой,
текли спелее спелого
те ягоды, смеясь...
Ах, что же я наделала?
Откуда эта связь
меж ягодой калиновой
и горечью моей?
То — алый,
то — малиновый
из ягоды ручей.
Ручей, река, дороженька
от милого пороженька
в такую близь,
в такую даль,—
сто лет пройдет,
а будет жаль,
что так робка
была рука,
так ягода была
горька.

* * *

Отлюбить, отжалеть, отпрощать.
После письма назад возвращать
или память
в беспмятство вбить?
Отжалеть, отпрощать, отлюбить.
А потом? Что потом?
И к чему?
И сама я уже не пойму.
Это тоже ведь надо суметь
отпрощать, отлюбить, отжалеть.

* * *

М. Ульянову

Антоний, свою Клеопатру зови,
повязку на смертную рану надвинув...
Любви неподдельной, высокой любви,
встречаются звонкие огни и льдины.

Их пламень и свет осязаем в душе.
На ощупь такое не ощущают.
Антоний, ты молод и славен уже.
Что ж я с тобой грустно-прегрустно прощаюсь?

Пусть ждет впереди и восторг без границ,
и смерть обоудная...

Пусть это будет!

Приникни к коленям, распластанный ниц...
Кто знает, где боги? Где смертные люди?

Когда этот свет, этот зов, этот звон,
когда эта вечная тяга и нега
людей истязают собой испокон, —
и слаще медов и целительней хлеба?

ЗАУРАЛЬЮ

Мне чудится:
родной земле не спится.
Все ждет меня,
зовет меня к себе.

А за Тоболом солнышко садится,
припав лучом к бревенчатой избе.
А та изба в Приютном — бесприютна,
в Пеньковке — заблудилась промеж пней,
не зная ни достатка, ни уюта...
Ты призамешкай, солнышко, над ней.
Там я росла в сиротстве и недоле,
в войну на лихолетье затаясь.
Все одолела,
вырвалась на волю,
не обрывая горестную связь
с родной землей,
что тянет неизбежно
припасть щекой к березовым стволам,
попеть крестьянских песен заунывных,
и, даже если сердце пополам,—
чтоб обо мне, и явно не задаром,
не где-нибудь за тридевять земель,
а над Увалом да над Белым Яром
запричитала матушка-метель.

СТАРСТЬ

Ревет в ауле старая верблюдица,
ревет всю ночь,
вздыхая тяжело.
Ей что-то очень горестное
чудится.
Песком ее дороги замело...
Давно уже не трудится она.
А под горбами
все болит спина...
Ей снится караванная дорога,
и в голосе пронзительном — тревога...
Ревет, ревет верблюдица всю ночь.
Старик чабан не знает, чем помочь,
чем сердце животины успокоить?
И сам над ней вздыхает до утра,
и греет ноги ей дымком костра,
и гладит морду доброю рукою.

РОДИЛСЯ ЖЕРЕБЕНОК

В...

Родился жеребенок махонький
на берегу степной реки.
Там волны ласковые ахают,
и над травой — мотыльки.
Все ждет,
что он сейчас поднимется,
на стройных ножках подойдет,
узнает мать —
и прямо к вымени
под теплый сунется живот...
Комок бездумного доверия.
Вся стать и сила — впереди.
У синей речки возле берега
родился, встал...
Смелей иди!
Как хорошо на белом свете!
И все за твой приход, малыш!
Согрел тебя апрельский ветер,
и поприветствовал камыш,
и нежно лижет кобылица
и ржет призывно, непотай.
Вставай, иди!
Грешно лениться!
Зовут дороги.
Подрастай!

* * *

В стране моей с названьем «Детство»
все ладно,
все вразрез молве.
Скворечня с книжками в соседстве,
рука сосны — на голове...
Чисты, как небо, речек воды,
и небеса землей живут,
и красноперые восходы,
как птицы,
по небу плывут;
и в рощи падают закаты,
и звезды пляшут на стерне...

Огрехи, горести, заплаты
теперь пером жар-птицы мне
все в руки пали,
наказали
тьму песен.
Радуйся и плачь.
Но не пролей своей печали,
страну свою не изыначь.

* * *

«Падают камни вверх у счастливого»...
Сокол летит за лисою вдогон.
Степь казахстанская,
степь красивая,
снова взяла меня в свой полон.
Ночи и дни — все смешалось, как песня,
с желтым простором, с ширью полей.
Не удержаться и часу на месте.
Снова в дорогу. Э-гей!
В гости меня пастухи зазывают,
поят айраном,
ломают курт,
ласково русской сестрой называют,
звонкий кобыз подержать дают.
«Падают камни вверх у счастливого»...
Ветры уносятся к дальним горам.
Степь бесконечная,
степь красивая,
здравствуй, салем!
— Алеким-ассалам!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Рождение березы	3
Голосники	3
Мужская работа	5
Родной земле	5
Я брела по войне...	6
Солдатка	7
У раннего Космоса...	7
В краю березовом родиться...	8
Все весны в детстве...	8
Я спрошу у березы...	9
Земля	10
Ты прости, Земля...	10
Северная береза	10
Выпь	11
« — Не повезет, — мудрец сказал...	12
Судьбе	12
Транжира	13
Допишется книга последняя...	13
Вот помню, жили...	14
И хлебы мама так умела печь...	14
Корову доим...	15
Чесать Пеструху...	15
Я без мамы жила...	16
Я в этом письмишке...	17
Деды наши лежат...	17
Песня иволги	18
Завтрашнюю яблоню люблю...	18
Я — одержимая	18
Кремень	19
Покинутое небо ноября...	19
Фотография родителей Есенина	20
Хоть отлучали...	21
Купил щенка...	21
Прощаюсь с яблоней в саду...	22
Яблоня	22
О весна! Что ты сделала...	23
Где твоя «лешева дудка»...	23
Токовище	24
Распрямайся, судьба...	24
Мне ни мало, ни много...	25
Заскучай обо мне...	25
В заозерье	25

Калина-ягода	26
Отлюбить, отжалеть...	27
Антоний, свою Клеопатру зови...	27
Зауралью	27
Старость	28
Родился жеребенок...	29
В стране моей...	29
«Падают камни вверх у счастливого»...	30

Антонина Антоновна БАЕВА

МУЖСКАЯ РАБОТА

Редактор **Д. К. Иванов**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 01.07.85. Подписано к печати 08.08.85. А 00380.
 Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
 Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,61. Усл.
 кр.-отт. 1,58. Тираж 85 000 экз. Изд. № 76. Заказ № 1110.
 Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

● Ежемесячно Вы обращаетесь в сберегательную кассу, чтобы уплатить за квартиру, электроэнергию, газ, телефон, за детский сад, ясли, обучение детей в музыкальных школах и т. д.

● Одним видом услуг, предоставляемых сберегательными кассами вкладчикам, являются БЕЗНАЛИЧНЫЕ РАСЧЕТЫ. Пользуясь ими, можно экономить свое время и, не посещая сберегательной кассы, производить указанные платежи.

● По Вашему поручению сберегательная касса будет перечислять с Вашего лицевого счета по вкладу до востребования в обусловленные Вами сроки платежи в пользу любой организации на протяжении квартала, года или впредь до отмены этого поручения.

● Сберегательной кассе можно дать поручение и на перечисление какого-либо платежа в разовом порядке. Такое поручение можно также переслать по почте.

● Бланки для оформления длительных и разовых поручений по безналичным расчетам вкладчик может получить в любой сберегательной кассе.

● Экономьте свое время! Пользуйтесь безналичными расчетами сберегательных касс!

**Российское республиканское
Главное управление Гострудсберкасс СССР**